

Binová, Galina Pavlovna

**"Я любовь узнаю по боли..." : (М. Цветаева в Чехии)**

*Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky. 2005, vol. 54, iss. X8, pp. [145]-150*

ISBN 80-210-3691-5

ISSN 1212-1509

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/103303>

Access Date: 22. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ГАЛИНА БИНОВА

**«Я ЛЮБОВЬ УЗНАЮ ПО БОЛИ...»  
(М. Цветаева в Чехии)**

После Октябрьской революции, особенно с 1920 г., русская эмиграция становится массовым явлением. Можно говорить о нескольких местах, где организовались собственные культурные центры русских эмигрантов. Это были Париж, Берлин, Прага, Белград и София. Если говорить о Чехии, то здесь, пожалуй, русские эмигранты встретились с наиболее благоприятными условиями. По инициативе президента Т.Г. Масарика в Праге возник план так наз. «русской акции», в реализации которой принял участие прежде всего министр иностранных дел Эдуард Бенеш. В ноябре 1921 г. в Праге была основана Русская народная библиотека с читальным залом. Принимались меры по улучшению положения эмигрантов не только в Чехии, но и во всем мире. Например, в апреле 1923 г. Т. Г. Масарик обратился к гражданам США с призывом присоединиться к чешской инициативе по оказанию помощи прежде всего эмигрантской студенческой молодежи в целях сохранения русской интеллигенции.

Судьба связала с Чехией десятки известных имен русских интеллигентов, не принявших нового революционного образа России. В течение трех лет, с 1922 по 1925 гг., были связаны с Прагой жизнь и творчество известной русской поэтессы Марины Цветаевой. Каковы были «чешские годы» Цветаевой? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Цветаевой всегда и всюду жилось трудно. Не случайно А. Ахматова после встречи с ней назвала ее «страдалицей Мариной». Цветаева – пожалуй, единственная поэтесса, которую называем просто по имени, как называли цариц и святых. Что касается царственности и высокомерия, эти черты ближе А. Ахматовой, а Марина – скорее, действительно, великомученица. Личность и поэзия Цветаевой сложны. «Непохожая на всех», «язычница», «еретичка» с беспокойным и мятущимся духом, она всегда жила против течения. «Единственной обязанностью на земле человека – правда собственного существования», – считала Цветаева. Недаром она вспоминала, как в детстве, будучи «маленькой рыжей девчонкой», «подожгла с четырех сторон библию». А в стихах не раз осознавала и подчеркивала стихийную страстность и необузданную

строптивность своей натуры: «Мне дело – измена, мне имя – Марина, / я – бременная пена морская».

Чувствительная и ранимая, бескомпромиссная и безоглядная, она во все вкладывалась сполна, и в поэзии, и в чувствах. Была ли в жизни счастлива? Разве что в детстве, в Тарусе, или с мужем С. Эфроном, который был источником ее короткого счастья, осознанного долга и бесконечного страдания. К своему мужу, в то время студенту Пражского университета, и приезжает М. Цветаева со своей дочерью 1-ого августа 1922 г. Не стоит идеализировать чешский период жизни Цветаевой. И здесь она жила в оппозиции всему – новой жизни, литературному и эмигрантскому окружению, для которого стихи ее часто были непонятны, ибо были насыщены экстремным темпераментом, модернистическими экспериментами и духом Пастернака. И здесь, как и всюду, она чувствовала себя изгоем, чему содействовали неупорядоченный быт, бесконечные переселения, полунищенское существование, неудовлетворительная личная жизнь. Чтобы понять, насколько Цветаева, всю жизнь стремившаяся к духовной свободе, была унижена эмигрантским бытом, достаточно прочесть ее переписку. Например, в письмах к Рильке Марина – царственно-гордая, утонченная, а в письмах к Тесковой – слезливая, опрошенная, умоляющая о материальной помощи. В поэзии и переписке усиливаются трагедийные ноты, чувство морального одиночества, тоска по родине: «Пишу не для здесь (здесь не поймут – из-за голоса), а именно для там – языком равных». И все-таки по сравнению с берлинским и парижским эмигрантским опытом, где Цветаева ощущает себя крайне несчастной, чужой и одинокой, Чехию она позже воспринимает как потерянный рай. Здесь в 1925 г. родился ее сын – Георгий («Родина сына моего», – писала она), здесь она встретила с сердечностью и преданностью подруги – переводчицы Анны Тесковой, которая поддерживала ее морально и материально<sup>1</sup>, именно в Чехии проживала Цветаева творческий взлет. Здесь родились десятки известных стихотворений, «Поэма Горы» и «Поэма Конца».

Нужда заставляла Цветаеву жить в пригородах Праги, в деревнях Мокропысы, Новые Дворы, Иловищи, Вшеноры. Поэтому не случайно в стихах чешского периода часто встречаются образы природы, навеянные прогулками к речке Бороунке, по горам и лесам, покрытым вереском. В стихотворении «Прага» возникает возвышенный образ «летейского города», который «тянет стан» – здесь намек на готическую вытянутую вверх архитектуру города. Большое впечатление произвела на Марину статуя легендарного героя чешского народа рыцаря Брунцвика, стоящего под Карловым мостом, над Влтавой. По преданию, именно лев помогал Брунцвику в его

<sup>1</sup> Дружба с А. Тесковой продолжалась вплоть до отъезда Цветаевой в СССР в июне 1939 г. В 1969 г. в Праге вышли сохранившиеся письма Цветаевой к Тесковой (Academia, Praha 1969). В 1991 г. они переизданы в Санкт-Петербурге. Оригиналы писем хранятся в библиотеке Музея чешской литературы и письменности в Страговском монастыре.

подвигах, а меч Брунцвика замурован на устое Карлова моста, где стоит его статуя. Поэтому с именем Брунцвика связывается и возникновение чешского герба с изображением на нем льва. Цветаева считала, что «пражский рыцарь» похож на нее лицом, часто о нем вспоминала, для нее он был «сердцем» Праги, символом верности.

– «С рокового мосту  
Вниз – отважься!»  
Я тебе по росту,  
Рыцарь пражский.

Сласть ли, грусть ли  
В ней – тебе видней,  
Рыцарь, стерегущий  
Реку – дней.

В соответствии с эмоциональным состоянием поэтессы после приезда за границу ее лирика становится все более усложненной, Цветаева все более углубляется в себя, в собственные душевные «умыслы». Именно поэзия спасает Марину от зла, непонимания, в ней она находит опору и утеху в жизненных невзгодах. В ее поэзии ощущаем тяготение к дневниковой исповеди, стремящейся закрепить даже хронологическую последовательность переживаний. В. Ходасевич отмечал «словесный автономизм», «словесную стихию» Цветаевой<sup>2</sup>. «Причитания, бормотания, лепетание, полужаумная, полубредовая запись лирического мгновения» – все это ради «закрепления самых текучих душевных движений»<sup>3</sup>. У Цветаевой стихи не носят характера воспоминания, у нее все, прежде всего трагедия совершается прямо сейчас, на наших глазах. Именно в пражский период Цветаева переживает вспышки новых любовных увлечений и страстей, в которые она окуналась с головой, и новые разочарования. Естественно, все это отражается в ее лирике. Стихи «Древняя тщета течет по жилам...», «Люблю – но мука ее жива...», «Ты, меня любивший фальшью», как и тематически примыкающие поэмы «Горы» и «Конца» – это исповедь любящего и страдающего человека. Все эти произведения обращены к тому же адресату. Марина погружена в колдовской омут страсти к Константину Родзевичу, с которым она познакомилась в 1923 г., когда он учился на юридическом факультете Пражского университета. Ее любовные стихи будоражат и завораживают, гипнотизируют одновременно. Это «демиургический поэт» (В. Соснора), у нее все безудержно, неостановимо. Все центробежные силы души сцепляются в любви, расширяя метафизическое пространство лирики. Эмоциональные взрывы передаются структурной сложностью, закру-

2 В. Ходасевич, После России. In: Литературная газета № 1, 1993, с. 6.

3 Там же.

ченным стихом со многими переносами, когда строки цепляются одна за другую, – безответными вопросами-выкриками:

### Любовь

Ятаган? Огонь?

Поскромнее, – куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам – ладонь,

Как губам –

Имя собственного ребенка.

В эмиграции Цветаева отказывается от музыкальности стиха, переливов поэтической речи. («Я не верю стихам, которые льются. Рвутся – да!») Перебои ритма, дробление фразы, разорванность стихотворной ткани, телеграфная сжатость конденсируют мысль, выявляющую обнаженные нервы, нравственные эманации ее тревожного духа. В «Поэме Горы» и «Поэме Конца» фактическая достоверность переплетается с романтической образностью. «Гора», о которой идет речь, это пражский Петржин (Цветаева называет ее Смиховским холмом). Но в то же время Гора – это синоним и символ любви. Образ горы связан у нее с огромностью, лавинностью чувств и страстей, относящихся к бытию, духовному началу, которое она противопоставляет быту, хотя этот быт и был домом, семьей. В стихотворении «Не надо ее окликать...» Цветаева уподобляет горе самое себя, отзывающуюся на оклик «органичную бурю». «Поэма Конца», собственно, построена на контрасте «земли» и «неба», «бытия» и «быта». Как отметила Цветаева в одном из писем, герой поэмы хочет любви «по горизонтали», а героиня – «по вертикали». Отсюда – конфликт, боль, трагедия, разлука («боль» – одно из наиболее часто встречающихся слов в поэтическом словаре Цветаевой).

Та гора была – миры!

Боги мстят своим подобиям.

Горе началось с горы

Та гора на мне – надгробием.

Поэмы эти – страстный монолог с миром и любимым. «...Příběh, z něhož se chce a nemůže vykiččet Marina, je příběhem každého bytí, které vstupuje do světa naplno, které si nenechává zadní vrátka, které se nasazuje tělem a duší, které nepočítá svůj vklad – a je zklamáváno, nemůže nebýt zklamáváno»<sup>4</sup>. В стремительных каскадах ритмики, в неожиданных рифмах, интонационной раскованности и метрических изломах – вся Цветаева: требовательная и своенравная, гордая и молящая, безудержная и дерзкая, короче – максималистка с «безмерностью в мире мер». Не в силах вместить в форму не-

<sup>4</sup> Martin C. Putna, Rusko mimo Rusko. I. díl, Petrov, Brno 1993, s. 175.

обузданность своего темперамента, она иногда перегружает стих. Осознавая это, сама вопрошает:

«Что же мне делать,  
певцу и первенцу,  
в мире, где наичернейший – сер!  
где вдохновенье хранят  
как в термосе!  
С этой безмерностью  
в мире мер?!»

Поэзия Цветаевой не соотносима с понятием гармонии, цельности. Ахматова, например, гораздо тоньше, гармоничнее. Порой кажется, что у Цветаевой, как и у Маяковского, боролись силы мрака и света, которыми она не умела управлять. Презирая «мир мер», Цветаева забывает, что искусства без чувства меры нет. Владимир Леонович отмечал ее «нарочитые котурны», «некоторое насилие над русским слухом». Иногда ее ритм кажется разрушительным, ее словесная сеть не сразу поддается пониманию, смысл темен, невнятен, материал необработан, создается впечатление, что она не в силах до конца оформить выплескивающиеся эмоции. «Цветаева непрочитываема, ибо неисчерпаема, как разбегающаяся Вселенная»<sup>5</sup>, «космическая камерность ее лирики»<sup>6</sup>.

1-ого ноября 1925 г. Цветаева переехала во Францию, где в острой нужде и атмосфере недоброжелательности прожила четырнадцать лет. Последняя прижизненная книга М. Цветаевой, включающая стихотворения, написанные в эмиграции, вышла в 1928 г.<sup>7</sup> Когда фашисты напали на близкую ее сердцу Чехию, с публицистической страстностью прозвучали «Стихи к Чехии» (1938 – 1939 гг.) – последний цикл стихов поэтессы, в котором она выразила свою поддержку чешскому народу и веру в его непобедимость:

Не умрешь, народ!  
Бог тебя хранит!  
Сердцем дал – гранат,  
Грудью дал – гранит.

В переписке к А. Тесковой нередко выплескивается боль за поруганную Чехию и любовь к ней: «День и ночь, день и ночь думаю о Чехии, живу в ней, с ней и ею... Вся Чехия сейчас одно огромное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, чем и мое». «Бесконечно люблю Чехию и бесконечно ей благодарна, но не хочу плакать над ней... а хочу ее петь...

5 «Одна – из всех – за всех – противу всех...» In: Литературная газета № 41, 1992, с. 6.

6 С. Эфрон, цит. in Звезда № 6, 1975, с. 152.

7 М. Цветаева, После России. Стихи 1922-1925. Париж, 1928.

– писала она в 1938 г.» «Как я хочу в Прагу!... В жизни не хотела назад ни в один город... а в Прагу хочу очевидно пронзенная и замороженная». (1927 г.) Но не в Прагу, а в Москву было суждено вернуться Марине Цветаевой. В 1939 г. в отчаянии она возвращается в СССР. Здесь ее не публиковали, было разрешено только переводить. До конца своих дней она осталась независимой, хотя это и обернулось для нее трагедией. 31-ого августа 1941 г. в татарской Елабуге, куда М. Цветаева была эвакуирована в начале войны, одинокая и несчастная, она покончила жизнь самоубийством. Остается только добавить, что Прага ответила русской поэтессе взаимной любовью: в революционный 1989 г., 8-ого декабря, на Шведской улице 51 была торжественно открыта Памятная доска в честь Марины Цветаевой.